

23 СЕН 1976

Ленинская смена
г. Горький

Владимир Морозов впервые появился на сцене Горьковского ТЮЗа еще будучи студентом театрального училища. Его пригласили на главную роль в спектакле «Бумбараш». Тогда только что прошел одноименный телефильм и, естественно, положение у актера было незавидным. Как не оказаться под влиянием того, что создал на телеэкране В. Золотухин?

— Чего стояла мне эта работа! Все не получалось, иногда чуть не до слез доходило — не идет роль, и все тут! И так до самой генеральной репетиции. До сих пор благодарен режиссеру за то, что поверил мне. Эта роль и сейчас у меня самая любимая.

Приходится Бумбарашу пройти в спектакле через огни и воды, чтобы стать настоящим бойцом революции. И дело даже не в тех приключениях, что выпадают на долю героя, а в том, что Бумбараш В. Морозова постоянно мысленно оценивает эти приключения. Почти зримо ощущаешь, как думает Бумбараш — трудно, но уж наверняка, без промахи. Потому и становится он действительно сознательным бойцом революции.

В жизни В. Морозова находится в творческом процессе, живет в любой обстановке,

ВСЕ НАЧИНАЕТСЯ СЕГОДНЯ

ке «уходить в себя», все время ищет какие-то новые, жизненные черты для своих героев. Вероятно, именно потому, что его герои пропущены им «через себя», обдуманы со всех сторон, они и выглядят такими убедительными и полнокровными.

У Володи за плечами большая биография: с четырнадцати лет ходил матросом, а потом и рулевым по Волге, работал на стройке, служил в армии. Рассказчик он замечательный. Жаль, что на бумаге невозможно передать ни его интонацию, ни жесты, в которых часто проглядывают его герои, лукавые и трогательные, смешные и обаятельные.

— Я в детстве совсем не мечтал быть артистом. Отец

у меня был кадровым военным моряком на Дальнем Востоке, и его рассказы о службе действовали на меня необычайно. Правда, я-то собирался стать летчиком. Воля у меня была железная, и, когда я твердо решил поступать в военное училище, довольно реденькие троечки из табеля изгнал совсем. Восьмой класс закончил на «отлично» и был уверен, что все получится, как задумано. Но... Я в то время серьезно занимался спортом, имел разряды по плаванию, баскетболу, лыжам, борьбе, ручному мячу. Однако этого показалось мало. Стал самостоятельно заниматься атлетизмом по рассказам, журналам и... перетренировался, не рассчитал. Короче, надежды на учебу в военном училище отпали.

Вот я сейчас думаю, вспоминаю, что же меня так потянуло в театр? Ну, в школе был выдумщиком, без конца придумывал какие-то истории, переименовывал фильмы, которые шли в клубе, ну, участвовал в самодеятельности, но, в общем-то, о театре никакого представления не имел. Да и откуда мне было знать о нем, если к нам в Кадницы театры не заезжали, а в городах я бывал мало, когда плавал с отцом — он у меня капитан, водит танкер по Волге.

Пожалуй, это все-таки телевизор виноват. Появился у нас он в доме, большой, красивый, и я был потрясен новым, незнакомым мне искусством — театром. Кино — это было другое, к нему привыкли с детства, а вот театр... В общем, запала мне в голову мысль — стать артистом. И отправился я после школы в Ленинград.

А через несколько дней грустный возвратился в Горький — не приняли. Потом — служба в армии.

Когда сейчас вспоминаю эти два года, думаю, что больше за всю жизнь не увижу столько, сколько испытал в армии. Служил я в танковых частях. Зима того года была суровая, а у нас как раз учения, максимально приближенные к боевой обстановке. Да, действительно похоже было на максимально. После одного марш-броска сам я из танка вылезти не мог — меня вытащили, поставили у танка, говорят — иди, а я не мог. Подтолкнули меня под коленку, сделал шаг, другой, а как гусеница у танка кончилась, оторвался я от нее, и понесло меня прямо на полевую кухню, как прижался я к ней — черной, сальной, горячей — ну, думаю, наверно, никогда в жизни никого я так больше не обниму... После учений командир нашей части вызвал меня к себе и предложил пойти учиться в сержантскую школу. Я подумал и согласился. Закалочку мы там получили приличную. Конечно, бывало тяжело, но какой же ты будешь командир, если как следует не хлебнешь солдатской каши? Ну, а потом уж после

демобилизации было Горьковское театральное училище.

Вероятно, именно армейские впечатления Володи помогли ему в создании образа солдата Сальникова из спектакля «В списках не значился» по повести Б. Васильева. Когда думаешь об этой работе артиста, невольно приходишь к мысли — в Сальникове продвигается Бумбараш. Не внешне, хотя, разумеется, актер узнаваем мгновенно (на первых спектаклях при его появлении в зрительном зале радостно восклицали: «Бумбарашка!»), а внутренней своей сутью русского солдата, который, если надо, щиплет из топора сварит, а если надо, жизни своей за Родину не пожалеет. Оба эти характера от одного корня, который питает их соками родной земли. Поэтому и можно сказать, что и Бумбараш, и Сальников у Володи Морозова — это народный характер, который не может умереть, что бы с ним ни случилось, какие бы невзгоды ему ни приходилось преодолевать. Потому и становятся девизом для этого характера радостные слова Сальникова: «Живой! Братцы, обратно живой!».

— Самой трудной для меня сценой в спектакле была та, когда фашисты передают песню «Степь да степь кругом». Я очень боялся, что не смогу заплакать. Но вот уж сколько спектаклей сыграл, а как дойдет до этого места, как представлю я себе — ах, сволочи! — так слезы сами льются. Очень люблю эту роль, хотя вначале даже испугался — еще один Бумбараш. Потому и трудно было работать — повторяться не хотелось.

Не повториться в роли — это, конечно, не единственная забота молодого актера. За плечами у него уже несколько работ на сцене. Есть и бесспорные удаchi, есть и огорчения, но как актер Морозов, наверное, состоялся. Недаром так по добром, с энтузиазмом встретила его работы московская критика.

А. ТИТОВА